

УДК 821.161.1.09+070

**«ОСНОВА ВСЕМУ – НАЧАЛА ПРАВСТВЕННЫЕ»:
«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В ДИАЛОГЕ О ПОШЛОСТИ**

А. В. Полонский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью

Вторая половина XIX века в России обозначилась как эпоха активных духовно-мировоззренческих поисков, когда публичные и кулуарные дискуссии российских элит устойчиво переходили в сферу социально-политических решений. Российская журналистика в изобилии извлекала из опыта жизни русского человека нравственные проблемы, вынося их на публичное обсуждение. В статье рассматривается роль «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского в мировоззренческом диалоге российского общества о пошлости.

Ключевые слова: *Россия, культурные ценности, нравственность, пошлость, общественный диалог, журналистика, журнал «Гражданин», Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя».*

В обществе, реальность которого формируется многообразными социальными, политическими, идеологическими и экономическими проектами, особенно востребованными оказываются ценностные концепции культуры. Вторая половина XIX века в России и обозначилась как эпоха напряженных духовно-мировоззренческих поисков, когда многочисленные публичные и приватно-кулуарные дискуссии российских элит устойчиво переходили в сферу реальных социально-политических решений. Общество, в целом понимая необходимость перемен, по-разному на них реагировало.

Российская журналистика этого периода в изобилии извлекала из опыта жизни русского человека самые разные проблемы, вынося их на суд широкой общественности, поскольку иначе, оставшись без врачующего общественного мнения, без суда «общественной совести», они способны были привести культуру к невосполнимым духовным и нравственным потерям. Российское общество чрезвычайно нуждалось в знаниях, в которых преобладало бы мировоззренческое суждение о социальной действительности, нуждалось в знаниях обо всем том, что объединялось такими смысловыми категориями, как «реформа», «европейская цивилизация», «либерализм», «социализм», «христианская нравственность» и, конечно, «русская душа». Один из самых образованных людей того времени, выдающийся русский философ и публицист Б. Н. Чичерин писал: «Разумное самосознание должно побуждать нас не скрывать от себя своих недостатков, а уяснить себе, где лежит наша слабость и где наша сила» [10, с. 412].

В мировоззренческом осмыслении текущей жизни русского человека, его «слабости» и «силы» был заинтересован каждый, кто чувствовал движение мысли, для кого *народ, общество, личность, отчизна, культура, традиция, прогресс, свобода, Европа и Россия* были не просто словами, произвольно взятыми из акаде-

мического вокабуляра современности, а ценностными смыслами, обоснованными опытом жизни и мировоззрением русского человека, благодаря чему они заставляли его действовать, переживать, думать и рассуждать о судьбах родной страны, о ее культурно-историческом пути, о ее мировоззренческом выборе, о современной жизни в противоречивом сплетении событий и идей.

Российская общественная мысль в этот период, как известно, формировалась под влиянием конфликтного взаимодействия различных культурных и идейно-политических течений. Идеология либерализма, которая овладела во второй половине XIX века сознанием значительной части интеллектуальной элиты российского общества и которая настаивала на внедрении в общественное сознание русского человека стандартов европейской культуры, на включении в практику его жизни гражданских, политических и экономических свобод, переплеталась в сложнейшем мировоззренческом диалоге как с идеями консерватизма, с их обращенностью к ценностям русской культурной традиции, проверенной опытом многих поколений и освященной православной верой, так и с быстро набиравшими силу учениями, увязывавшими поступательное движение России с обязательной заменой прежнего социального порядка на новый, ключевой политической доктриной которого являлась бы идея социального равенства людей.

Интенсивный мировоззренческий поиск, предполагающий осознание личностью своей культурной и духовной идентичности, обусловил фокусирование общественной дискуссии в России на вопросах о сущности прогресса и просвещения, о свободе и традиции, о добре и зле, о порядке и хаосе, о власти и гражданской ответственности, о науке и церкви, о роли искусства и его связи с судьбой народа, об обществе и личности, о Европе и путях развития ее культуры и политической мысли и, конечно, о России – ее духовном выборе, о православной вере, о русском человеке, его жизни и его способе «понимания мира» (В. Г. Белинский).

Одной из самых обсуждаемых в это время становится тема пошлости. «Россия, – как замечает А. Р. Небольсин, – особенно остро переживала новое зло. И потому почти для всех крупных русских писателей – от Гоголя до Набокова – пошлость стала одним из главных объектов изображения» [6, с. 176]. В русской культуре она стимулировала напряженный мировоззренческий диалог, содержательной целью которого стало осмысление российской действительности и культурного статуса в ней человека. О пошлости эмоционально, взволнованно, горячо рассуждала вся «духовная аристократия» России.

Особая роль в осмыслении культурных программ русского человека принадлежит Ф. М. Достоевскому. Отысканию нравственных истин, открывающих человеку сакральный смысл его жизни и не дающих ему редуцировать свою одухотворенность, опыт своей мысли до пошлого, «постыдного» бытия, посвящено все творчество Ф. М. Достоевского, однако особое место в публицистическом диалоге о пошлости занимает «Дневник писателя» (1873–1881), богатейшая философско-нравственная проблематика которого еще раз, с новой силой показала, что Ф. М. Достоевский является, как пишет У. Перси, «автором беспокойным и не успокаивающим, своего рода культурной лакмусовой бумагой, явно раскрывающей, кто к какому лагерю принадлежит. Речь здесь не идет только о социо-политических лагерях, но и о культурно-интеллектуальных тенденциях, о складе ума» [8, с. 225–226].

В конце 1872 года Ф. М. Достоевский согласился стать редактором литературно-политического журнала «Гражданин», известного своей приверженностью к консервативной идеологии [11]. Это решение было мотивировано желанием

Ф. М. Достоевского непосредственно, лично обратиться к широкой аудитории читателей со своим видением и пониманием жизни. «Меня мучит многое... – признался он в одном из писем М. Н. Погодину. – Наконец, многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. Но вижу, как трудно высказаться» [3, с. 495]. Так в «Гражданине» появился особый раздел – «Дневник писателя», в котором Ф. М. Достоевский давал свой, незамедлительный ценностно-мировоззренческий комментарий наблюдаемым им фактам российской жизни. После ухода из журнала Достоевский продолжил издание «Дневника...», но уже в виде отдельных, периодически выходящих выпусков. Последний, январский номер 1881 года был опубликован после смерти писателя.

На страницах «Дневника...», по своему изначальному замыслу предназначенного для широкой аудитории читателей, появляются не только очерки и фельетоны, воспоминания, небольшие полемические заметки и хроники, представляющие житейский, культурный или политический аспект нашумевших событий, но и небольшие по объему художественные формы («Бобок», «Маленькие картинки», «Мальчик у Христа на елке», «Фельдъегерь», «Мужик Марей», «Столетняя», «Кроткая», «Сон смешного человека»).

«Дневник писателя» – это не сухой обзор фактов и событий, извлеченных из реальной жизни русского человека, а скорее интеллектуально и эмоционально переживаемое автором откровенное изложение событий, взволнованный комментированный пересказ жизни, отражающий его религиозные, нравственные, эстетические и социально-политические воззрения, особенности мировоззренческой оценки наблюдаемой социальной реальности. «Дневник...» обнаруживает не только пристальное внимание Ф. М. Достоевского к разным обстоятельствам российской жизни, его обостренную социальную чувствительность и отзывчивость на широкий круг проблем, но и необыкновенную открытость, исповедальность, неизмеримую глубину душевных переживаний, человеческого сочувствия, сострадания и гражданского милосердия. В своих глубоко продуманных суждениях и мировоззренческих выводах Ф. М. Достоевский проявил, говоря словами доктора богословия архимандрита Иустина Поповича, «вдохновение пророка, пламень апостола, искренность мученика, грусть философа, прозорливость поэта» [4, с. 5].

Форма публичного дневника позволила Ф. М. Достоевскому напрямую, непринужденно, лично обратиться к читателям, поделиться с ними своими откровенными рассуждениями о русской действительности, своими срывающими покровы комментариями и – главное – своим мировоззренческим выводом, касающимся жизни русского человека, места в ней традиции, православной веры и идей, воспринятых русской интеллигенцией от «европейских учителей». Это был взгляд человека, *глубоко переживающего все обстоятельства жизни народа, глубоко заинтересованного и обеспокоенного его судьбой. «Вопрос о народе и о взгляде на него, – находим запись в «Дневнике...», – о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее... Все мы любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, давно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили»* [2, с. 272].

В «Дневнике...» Ф. М. Достоевский рассматривает «мучительные» для России вопросы: каков человек в своей изначальной сущности и каков он в своей нынешней культурно-эмпирической реальности, чем обусловлены векторы духовного паломничества человека, движение добра и зла в его душе, в чем состоит до-

стоинство, возвышающее человека, и в чем его падение, что значит для человека свобода и что она собой представляет, есть ли пределы свободы и воли человека, каковы причины бездонно-мрачной пустоты в душе человека, почему человек отказывается от нравственных рассуждений, от традиций своего народа, от своего родного языка, от «православной правды», от переживаний любви и глубокой веры в Христа и что он при этом теряет?

Пристально вглядываясь в жизнь российского общества, анализируя ее подробности в контексте как событий текущей реальности, так и культурно-исторической перспективы, Ф. М. Достоевский приходит к выводу: «Я человек счастливый, но – кое-чем недовольный» [Там же, с. 223]. Это «кое-чем» имплицитно объединяет понятием «пошлость» совокупность сомнительных в нравственном и эстетическом отношении взглядов, идей и опыта жизни русского человека.

Пошлость – сквозная тема «Дневника писателя». На его страницах, правда, едва ли найдется развернутое размышление о пошлости, да и само слово *пошлый*, как и его дериваты, встречается крайне редко («пошное благоразумие», «пошное самохвальство», «пошлейшая сплетня», «пошлая зависть», «пошло сохранять», «до пошлости старей», «пошлость, невежество и тупое бессмыслие»), однако дело, конечно, не в слове. Понимание того, что «основа всему – начала нравственные» [Там же, с. 46], и переживание пошлости как порока, который в избытке «привылся» русскому человеку, как «нового лика зла» [7], которое агрессивно и многообразно противостоит его жизненным ценностям и устремлениям, его благочестию и добродетели, пронизывает весь концептуальный и эмоционально-смысловой строй «Дневника...», становится его идейной и творческой доминантой, определяющей стратегии развертывания авторского замысла в концептуально-идеологическую и текстовую реальность.

В «Дневнике писателя» под вывеской пошлости собиралось все то, что связывалось с «постыдной жизнью»: косность и банальность мысли, лишаящая человека сомнения и удаляющая его таким образом от истины; глубокий прагматизм; отчуждение человека от творческого поиска, от его личного замысла и выверенных духовной традицией идей и ценностей, от каждодневной сосредоточенности на истине, добре и красоте; неспособность чувствовать, сопереживать, «сопричастивать» высокой идее; праздность, расслабляющая ум и волю, *приводящая к лености души*; пустословие, которое выхолащивает мысль, приспособляя ее к технологии говорения, а не разума; модные теории, лишаящие человека внутренней свободы, способности к самостоятельному поиску и выбору; искаженная суть вещей, задающая ошибочную парадигму ощущений, мыслей и слов; грубая обыденность, которая готова обернуться замиранием жизни, изнуряющей бесконечностью порочного круга и духовной несостоятельностью; лицемерие и ложь, которые иссушают мысль и чувства человека, приводя его к интеллектуальному и нравственному банкротству, и т.д.

З. Гиппиус точно подметила, что Ф. М. Достоевский чувствовал пошлость как «холод провалов мира» [1, с. 89], как порок, принимающий многообразные формы и приводящий к нарушению гармонии человека с миром, с его духовной традицией и с самим собой. Координата пошлости как признака «постыдной жизни» чувствуется в «Дневнике...» при рассмотрении любой проблемы, значимой в контексте современной писателю общественной жизни, любых, на первый взгляд кажущихся разрозненными, фактов.

Источник пошлости Ф. М. Достоевский видел прежде всего в форсированном движении России к европейской модели жизни. Он был убежден, что русский

человек в силу разных обстоятельств отдаляется от нравственного идеала и в условиях пореформенной России не получает возможности для духовного обновления и движения к совместному поиску «православной правды». Ф. М. Достоевский отказывается признавать тот уклад жизни, который выстраивается не на основе любви к человеку, способности к сопереживанию и к духовному притяжению, а на основе «раз навсегда данного из Европы закона» [2, с. 203] – личного, разделяющего людей меркантильного интереса, глубочайшего прагматизма и безграничной власти лишённых нравственных категорий рассудка. По мысли Ф. М. Достоевского, от «всех идей и идей, правильно или внезапно залетавших к нам из Европы и постепенно нас одолевавших и полонивших» [Там же, с. 178], исходит дурное, вредное и скверное. «Сердечная пустота» [Там же, с. 44], которая исходит от этих идей, отдаляет человека от истины, добра и красоты – трех видов «одной безусловной идеи...» [9, с. 244–245], воплощением которой для Ф. М. Достоевского был Иисус Христос. Однако, продолжает свои размышления автор «Дневника...», антинаучные и аморальные по своей сути учения, вдохновителями и разработчиками которых были известные своим «атеизмом» и «неутолимостью аппетита наживы» либералы (и «европейские», и «доморощенные»), беспощадно, жестко и многообразно покушаются на эту идею, стремясь выветрить из памяти русского человека «сердечное знание Христа» [2, с. 83]. «Они желали столкнуть Россию, – взволнованно пишет Достоевский, – на самую пошлую и недостойную великой нации дорогу, не говоря уже об их презрении к народу, признавшему в славянских мучениках братьев своих, а стало быть, об их надменном разрыве с волею народной, выше которой поставили они свое фальшивое “европейское” просвещение» [Там же, с. 568].

Дневниковые записи Ф. М. Достоевского наполнены чувством веры в великое призвание России, в ее особую духовную миссию, поэтому он подвергал сомнению и уничтожающей критике все, что могло этому противостоять, создать помеху, повредить. По его мнению, остановить Россию в ее духовном движении, в ее устремленности к «православной правде» могли либералы (или «мучимые своим европеизмом» [Там же, с. 683] русские интеллигенты), которые не только не принимали русского порядка вещей и народных обычаев, но и отрицали духовную сущность самой России. Исходящий от либеральных идей импульс порока, который чувствовал Достоевский, он принять никак не мог. «...Либерал всесветный, – находим запись в «Дневнике...», – атеист дешевый, над народом величается своим просвещением в пятак цены! Он самое пошлое из всех пошлых проявлений нашего лжелиберализма, но все-таки у него неутолимо развит аппетит, а потому он опасен» [Там же, с. 771].

Для Достоевского обновление вне «Христовой истины», вне «православной правды» и любви, вне русской культурной традиции приводит лишь к *пробуждению в душе человека «демонов» – эгоизма, насилия, жестокости, деспотизма, «жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы»* [Там же, с. 690].

Размышляя о проблеме красоты, ее подвижности и зависимости ее эталонов от различных обстоятельств, Р. Казари замечает, что в творчестве Ф. М. Достоевского идеал, к которому чувствителен русский человек, всегда является «жертвой действия мира, реальности, истории, его повреждающих» [5, с. 159]. Это побуждение к разрушению гармонии человека с миром и с культурной традицией, к деформации духовного пространства русского человека Ф. М. Достоевский и ощутил в быстро меняющейся на европейский манер жизни русского человека: «...все “ослабели”;

ожирели сердца; всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему...» [2, с. 170]. Достоевский не мог оставаться спокойным и не замечать «дьявольского искушения», не заметить того, что русский человек «страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма» [Там же, с. 359] – пороков, разрушающих мир в его душе, уводящих его от «единения в общем деле» [Там же, с. 786] и от данной Спасителем мудрости.

Боязнь нравственного падения русского человека, переживание его ширящегося безразличия и пренебрежения к русской традиции фиксируется в «Дневнике писателя» в следующей записи: «О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил материализм и склонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. “Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя” – вот нравственный принцип большинства теперешних людей... А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, – о, конечно, все это было и прежде и всегда, но – но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель... Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда *личного* материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей» [Там же, с. 551–552].

Чувство особенного негодования вызывает у Ф. М. Достоевского закрепляющаяся в российском обществе под действием новых сил порочная практика, когда в качестве нормативной повседневности воспринимается ранее подвергнутое несомненному осуждению и отвержению: «И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка – эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажность – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые все же были, почти ничего не осталось» [Там же, с. 164].

Отказ от нравственных основ жизни, от православной веры, хранящей Христову истину, меняет, и в этом у Ф. М. Достоевского не было сомнений, порядок мыслей, чувств и желаний, меняет ценности человека, характер его взаимодействия не только с другими, находящимися рядом людьми, но и с культурной традицией. Этот порок замечает Ф. М. Достоевский в доминирующем способе социального бытия современного человека, для которого нормой становится не «живое единение в одной и той же великой мысли» [Там же, с. 684], а духовная разобщенность, приводящая не только к социальному изолированию, но и к дефициту культуры, к утрате традиционных *нравственных* ценностей.

На страницах «Дневника...» Ф. М. Достоевский дает развернутую концепцию социальной и духовной изоляции как социального порока, с которым столкнулось современное ему российское общество. В «Дневнике...» этой проблеме посвящено самостоятельное эссе «Обособление»: «...Мне все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего “обособления”. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. ...

и каждый действует сам по себе и тем только и утешается. <...> Положим, ужасно многие ничего не начинают и никогда не начнут, но все же они оторвались, стоят в сторонке, глядят на оторванное место и, сложив руки, чего-то ждут. <...> Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; все разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом» [Там же, с. 287–288].

Духовное обособление человека – порок, связанный с *глухотой души, с настойчивым влечением к монологу, с неспособностью человека к духовной и сердечной отзывчивости, с неспособностью понимать других людей и проникаться к ним сочувствием и, в конечном счете, с потерей связей с культурной традицией.* «Разрывают прежние связи без сожаления...», – замечает Ф.М. Достоевский. – Вот вам наш современный литератор-художник, то есть из новых людей. Он вступает на поприще и знать не хочет ничего предыдущего; он от себя и сам по себе. <...> Он не знает ни европейской литературы, ни своей; он ничего не читал, да и не станет читать. <...> Одним словом, каждый сам по себе и каждый по-своему...» [Там же, с. 288–289].

Обособление человека разрушает его естественные связи, затрудняет процесс сопричастного общения между людьми. Особую значимость в единении людей имеет родной язык, который обеспечивает не только обмен информацией, но и духовно-нравственное взаимодействие. Духовное взаимодействие имеет обязательный воспитывающий эффект, благодаря которому формируется культурный и духовный потенциал общества, определяются его ценностные структуры и наполняются конкретным содержанием понятия нравственного и эстетического. «Но вот тут-то и запятая, – записывает в «Дневнике...» Ф.М. Достоевский, имея в виду обстоятельства, связанные с ослаблением духовной силы русского человека, с его способностью к самостоятельной, творческой мысли.

Ф.М. Достоевского не могла не волновать сложившаяся в России ситуация, когда родной, русский язык для значительной части российского общества оказывался востребованным лишь в своей упрощенно-редуцированной форме. Одну из причин сужения культурного пространства русского языка Ф.М. Достоевский видел в том, что русские образованные дворяне, активно включенные в европейскую жизнь, особый интерес обнаруживали к Франции, законодательнице общественных норм, правил и вкусов, и, конечно, к французскому языку, который они воспринимали с детства, в то время как свой родной язык обретали посредством специального изучения, а не путем воспитания в русской культурной традиции.

«Потеря» значительной частью высших слоев российского общества своего родного языка становится в «Дневнике писателя» предметом жесткого осуждения как социального порока, как проявление деформации культурных ценностей, что ведет к духовной несостоятельности общества: «...русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике» [Там же, с. 399–400].

Язык – это духовная основа жизни человека, обеспечивающая не только его включенность в те или иные социальные структуры, но и определяющая его возможности в постижении мира, в углублении и расширении своей мысли. Тревогу у Ф.М. Достоевского вызывает связанное с «деградированным», ущербным, лишенным творческой способности языком («редуцированным» французским или русским) измельчание мысли, которое охватило значительную часть российского

общества: «Но для меня вовсе не то удивительно, что русские между собою говорят не по-русски (и даже было бы странно, если б они говорили по-русски), а то удивительно, что они воображают, что хорошо говорят по-французски. <...> Разумеется, они сами не понимают всей... нищеты этого языка (то есть не французского, а того, на котором они говорят) и, по неразвитости, короткости и скудости своих мыслей ужасно пока довольны тем материалом, который предпочли для выражения этих коротеньких своих мыслей. <...> Язык этот как бы краденый, а потому ни один из русских парижан не в силах породить во всю жизнь свою на этом краденном языке ни одного своего собственного выражения, ни одного нового оригинального слова... Ползая рабски перед формами языка... русские парижане естественно также рабы и перед французскою мыслью. Таким образом сами осуждают свои бедные головы на печальный жребий не иметь во всю жизнь ни одной своей мысли» [Там же, с. 396–398].

Потеря родного языка, по мнению Достоевского, равнозначна потере духовной и нравственной основы человека, оскудения его мысли. «Не имея же своего языка, он <человек> естественно схватывает обрывки мыслей и чувств всех наций, ум его... сбалтывается еще смолоду в какую-то бурду, из него выходит международный межеумок с коротенькими, недоконченными идейками, с тупою прямолинейностью суждения. <...> ...без знания натурального своего языка, без обладания им нельзя даже выровнять себе и характера...» [Там же, с. 598–599]. Эта мысль вписывается в контекст рассуждений Ф. М. Достоевского о предосудительном ослаблении связи русского человека со своей духовной и культурной традицией.

В «Дневнике писателя» не остается без внимания и «сквернословный язык», который демонстрирует деформацию культурных ценностей русского человека и к которому русский человек прибегает, как замечает Ф. М. Достоевский, «...по гадкой привычке, перешедшей чуть не в необходимость, так что даже самые далекие от сквернословия мысли и ощущения выражает в сквернословных же словах» [Там же, с. 191]. Писатель с чувством сожаления и негодования отмечает и тот факт, что пристрастие к «эстетически каскадным темам» присуще как «русским мужикам», так и «седым и звездоносным старичкам», и «мужам, известным самыми идеальными добродетелями»: «Я даже имею дерзость утверждать, – пишет он, – что эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнее в этом смысле нашего грубого и столь неразвитого простого народа. В мужских обществах, даже самого высшего круга, случается иногда после ужина, иной раз даже между седыми и звездоносными старичками, когда уже переговорают обо всех важных и даже иногда государственных материях, – перейти мало-помалу на эстетически-каскадные темы. Эти каскадные темы быстро в свою очередь переходят в такой разврат, в такое сквернословие, в такое скверномыслие, что никогда воображению народному даже и не представить себе ничего подобного. Это случается ужасно часто между всеми оттенками этого столь возвышенного над народом круга людей. Мужики, известные самыми идеальными добродетелями, даже богомольцы, даже самые романтические поэты с жадностью участвуют в сих разговорах.<...> Они смеются, они об этой пакости, конечно, говорят свысока, но видно, что она им нравится и что без нее они уже обойтись не могут, хоть на словах» [Там же, с. 191–192].

Нарушение скверным словом чистоты и святости родного языка становится причиной «скверномыслия», порчи духовной и нравственной основы человека. «Нравится им, – записывает в «Дневнике...» Ф. М. Достоевский, – именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея, в нем заключающая»

ся; нравится низость падения, нравится именно вонь, словно лимбургский сыр... утонченному гастроному; тут именно потребность размазать и понюхать и упиться запахом» [Там же, с. 191–192].

Ф. М. Достоевский с грустью, болью и страхом писал о русском человеке, вскрывая его недостатки, говоря о его пороках и ошибках. В диалоге со своим читателем он настойчиво искал пути освобождения русского человека от пошлости и видел этот выход только в одном – в пробуждения в нем духовной силы, которая позволит ему *вернуться к исконной русской духовной традиции и православной вере, позволит не допустить «порок в свои мысли»* [Там же, с. 224], *«восстановить... образ человеческий»* [Там же, с. 249] и *«стать русским»* [Там же, с. 503].

Достоевский искренне верит в человека, в его способность противопоставить «лику зла» образ красоты. Красота, связанная с добром и истиной, со страданием и мыслью, является, по мнению Достоевского, основой для преодоления зла и духовного возрождения человека. Эта мысль как мировоззренческий вывод писателя звучит в словах «смешного человека», одного из «героев» «Дневника писателя»: «...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» [Там же, с. 589].

Не отказывая человеку в праве на выбор и на свободу, Ф. М. Достоевский напоминает страницах «Дневника...», в чем эта свобода заключается: «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству...» [Там же, с. 535].

Предложенный анализ отраженных в «Дневнике...» взглядов Ф. М. Достоевского на пошлость, безусловно, не претендует на всеобъемлющее, панорамное рассмотрение обозначенной проблематики. В заключение необходимо заметить, что совокупность признаков пошлости в различные периоды осознается по-разному, поскольку меняется опыт жизни человека, определяющий особенности его культуры, ее нравственные и эстетические координаты, однако смысловое ядро пошлости остается, наверное, стабильным. Оно фиксирует ограниченные и небыстречные в нравственном и эстетическом отношении *мотивационно-смысловые, интеллектуально-эмоциональные и творческие ресурсы человека*, ценностно-смысловую деформацию его сознания, в котором отсутствуют ключевые, смыслообразующие ценности – самостоятельная мысль, вписанная в контекст как реальной жизни, так и духовно-интеллектуальной истории общества, самобытный эмоциональный опыт, благородные и бескорыстные устремления, возвышающие духовное, социальное, гражданское и личностное достоинство человека.

Ф. М. Достоевский видел жизнь русского человека во всей ее реальности, понимая, что предлагаемая новым обществом формула бытия русского человека стимулирует движение низменных смыслов и идей, приводит традиционные культурные ценности к деформации, задает далекие от идеалов, выстрадавших русским человеком, нормы жизни, обстоятельства которой все чаще оказываются связанными с пороком, с «новым ликом зла», с пошлостью.

На страницах своего «Дневника...» Ф. М. Достоевский показывает, что любые человеческие пороки уничтожают гармонию жизни, ведут человека к нравственному и духовному дефолту. Пошлость, по мысли писателя, это порок, связанный с духовным бессилием, неспособностью к глубокой самостоятельной мысли,

высокому чувству, с отсутствием моральной ответственности перед человеком и перед народом. Пошлость – это недоверие к культурной традиции своего народа и безразличие к его нравственному и мировоззренческому выбору, совестливо заявленному в православной вере и в родном языке. Пошлость – это нравственное расстройство, не позволяющая человеку осуществиться в своем человеческом облике.

«Дневник писателя», в котором интеллектуальное и эмоциональное переживания его автора переплетается с глубоким осмыслением жизни, с попыткой понять ее механизмы, обратившись к разным формам мысли, является по своей сути мировоззренческой исповедью, вписывающей философско-публицистические размышления Ф. М. Достоевского не в отвлеченную от системы социально-политических, философских, религиозных, этических и эстетических взглядов дискуссию о пошлости, а в ту парадигму мысли, константами которой являются – духовная личность с ее взволнованным переживанием веры, совести, добра, красоты и долга; благовестие Христово как безотносительный критерий истинности и нравственности; русская культурная традиция с ее опытом духовно-нравственной рефлексии ценностных понятий родины, народа, человека, любви и страдания.

Духовно-интеллектуальное посредничество Ф. М. Достоевского между освещенной Православием многовековой культурной традицией русского народа и стремлением значительной части российской интеллектуальной элиты вписать в систему взглядов русского человека новый, европейский опыт жизни с его неоднозначными для русской культуры императивами рационализма, индивидуализма и либеральной демократии, оказало огромное влияние на духовно-мировоззренческий облик русской культуры и придало новый импульс широкой общественной дискуссии о человеке и фундаментальных основаниях его жизни.

«Дневник...» не оставил равнодушным никого, кто был небезразличен к судьбам своего народа, оказав огромное влияние не только на духовную атмосферу последней трети XIX века, но и на все последующее развитие философской мысли.

Список литературы

1. Гиппиус З. Н. О пошлости // Гиппиус З. Н. Собр. соч. : в 16 т. Т. 7. М. : Рус. книга, 2003. С. 89–93.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 880 с.
3. Достоевский Ф. М. Письмо М. П. Погодину. 26 февраля 1873 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 15. Л. : Наука, 1988–1996. С. 495.
4. Иустин (Попович). Предисловие // Достоевский Ф. М. Post Scriptum : сборник. М. : Эксмо, 2007. С. 5–6.
5. Казари Р. «Символы красоты» у Ф. М. Достоевского и И. Анненского // Ф. М. Достоевский и культура серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М. : Водолей, 2013. С. 157–164.
6. Небольсин А. Р. Поэзия пошлости // Человек. 1993. № 3. С. 176–182.
7. Небольсин А., Степанов А., Михайлова М. «Пошлость – не просто самодовольная посредственность; это особый облик зла...» [Электронный ресурс] // Град Петров: радио Санкт-Петербургской метрополии. URL: www.grad-petrov.ru/broadcast/poshlost-ne-prosto-samodovolnaya-p/ (Дата обращения: 12.06.2015.)
8. Перси У. Русская пресса о «Братьях Карамазовых» МХАТа: М. Волошин и другие // Ф. М. Достоевский и культура серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М. : Водолей, 2013. С. 223–231.

9. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 227–259.
10. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М. : Книга по Требованию, 2011. 566 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/112/1118854.pdf>. (Дата обращения: 10.05.2015.)
11. Щербакова Г. И. Князь Владимир Петрович Мещерский и его главные творения: орган консервативного дворянства газета «Гражданин» и «Кавказский путевой дневник» [Электронный ресурс] // Relga. № 17 [235] 20.10.2011. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3033&level1=main&level2=articles> (Дата обращения: 11.07.2015.)

**“PRINCIPLES OF MORALITY ARE THE BASIS OF EVERYTHING”:
“A WRITER’S DIARY” BY F. DOSTOEVSKY
IN THE DIALOGUE ABOUT VULGARITY**

A. V. Polonsky

Belgorod State National Research University
the Department of communication studies, advertising and public relations

In Russia the second half of the XIX century was marked as the period of active spiritual and philosophic quest, when open and backroom discussions carried by Russian elites moved into the sphere of socio-political decisions. Russian journalism derived plenty of moral problems from the life experience of Russian people, bringing those to public discussion. The article deals with the role of “A Writer’s Diary” by F. Dostoevsky in the dialogue about vulgarity undertaken by the Russian society.

Keywords: *Russian, cultural values, morality, vulgarity, public dialogue, journalism, the magazine «Citizen», F. M. Dostoevsky, «A Writer’s Diary».*

Об авторе:

ПОЛОНСКИЙ Андрей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, г. Белгород, пр. Победы, 85), e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru.

About the author:

POLONSKY Andrey Vasilevich – doctor of Philology, Professor of the Department of communication studies, advertising and public relations, Belgorod State National Research University (308015, Belgorod, Pobedy, 85), e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru.